

Глава 1

Наша встреча не была подстроена. Ни мной, ни Эдом, ни скрытыми руками, якобы дергавшими его за ниточки. Я не был мишенью, а Эд провокатором. Мы не находились под наблюдением, тайным или явным. Он бросил мне спортивный вызов. Я его принял. Пошли игры. Не было ни плана, ни конспирации, ни тайного сговора. Какие-то события в моей жизни — теперь их, правда, немного — поддаются единственному прочтению. Именно такой была наша встреча. О чем я не устал повторять, сколько бы раз меня ни заставляли ее описывать.

Субботний вечер. Баттерси, южный район Лондона. Я сижу в Атлетическом клубе, где числюсь почетным секретарем (довольно бессмысленный титул), в шезлонге с мягкой обивкой возле закрытого бассейна. Клуб, напоминающий пещеру с высокими стропилами, занимает часть бывшей пивоварни — с бассейном и баром в разных концах, а между ними проход, ведущий в раздевалки и душевые.

Я сижу лицом к бассейну и боком к бару, за которым расположен вход с улицы. Таким образом, я не могу ви-

деть, кто входит в клуб или читает объявления в коридоре, кто там арендует корты или вписывает свои фамилии в клубный журнал. В баре оживленная атмосфера. Молодые девушки и их ухажеры распивают напитки и весело щебечут.

Я в своем обычном бадминтонном облачении: шорты, фуфайка и новенькие удобные кроссовки. Я их купил, чтобы как-то пригасить донимавшую меня боль в левой лодыжке, которую потянул, продираясь через эстонские леса месяц назад. После затяжной череды заграничных тренингов наслаждаюсь заслуженным домашним отдыхом. Над моей профессиональной карьерой нависло облако, но я стараюсь, как могу, его игнорировать. Жду, что в понедельник меня отправят на все четыре стороны. Ну и ладно, говорю я себе снова. Тебе уже сорок шесть, ты неплохо потрудился, рано или поздно это должно было случиться, так что не о чем жалеть.

Тем утешительнее, что, несмотря на солидный возраст и ноющую лодыжку, я остаюсь на троне клубного чемпиона и не далее как в прошлую субботу отстоял титул лучшего одиночника против талантливого парня. Одиночная игра считается прерогативой быстроногих двадцатилетних, но я пока держусь. Сегодня, по существующей традиции, я как вновь коронованный чемпион успешно отбил в дружеском матче с чемпионом клуба-соперника в Челси по ту сторону реки. И сейчас он отдыхает рядышком после нашей схватки, с кружкой пива в руке, такой спортивный и амбициозный молодой барристер индийского происхождения. Он держал меня в напряжении до самой развязки, когда опыт и небольшая удача все перевернули в мою пользу. Возможно, сумма этих простых фак-

тов в какой-то степени объясняет мое благорасположение в момент, когда Эд бросил мне вызов, — а также мое чувство, пусть и недолгое, что на получении всех мыслимых удовольствий жизнь не заканчивается.

Мы с моим побежденным противником мирно болтаем. Тема — помню, как сейчас — наши отцы. Оба, как выяснилось, заядлые бадминтонисты. Его отец был всеиндийским серебряным призером, а мой, в течение одного удачного сезона, чемпионом британских вооруженных сил в Сингапуре. И вот, пока мы проводим эти забавные сравнения, я вижу, как наш администратор и бухгалтер Элис, родившаяся на Карибах, берет курс на меня. С ней очень высокий молодой человек, чье лицо я еще не вполне могу различить. Шестидесятилетняя Элис — чудаковатая осанистая особа, слегка задыхается. Мы с ней два самых старых члена клуба; я как игрок, она как главная опора. Как бы далеко меня ни заносила судьба, мы с ней непременно обменивались рождественскими открытками. И если мои послания отличались игривостью, то ее поздравления дышали святостью. Говоря “берет курс на меня”, я имею в виду, что они под предводительством Элис атакуют меня сзади, поэтому им нужно сначала пройти мимо меня и лишь потом развернуться ко мне лицом. Забавно, но они это делают в унисон.

— Мистер Нат, сэр, — церемонно обращается ко мне Элис. Чаще я для нее “лорд Нат”, но в тот вечер она понизила меня в звании до простого рыцаря. — Этот хорошо воспитанный юный красавец желает поговорить с вами наедине. Но он боится потревожить вас в минуту вашей славы. Его зовут Эд. Эд, поздоровайтесь с Натом.

В моей памяти Эд так и остался: стоящий в паре шагов позади нее долговязый, под метр девяносто, очкастый парень, от которого веет одиночеством, а на губах играет смущенная полуулыбка. Запомнилось двойное освещение: оранжевая полоска из бара придает ему небесное сияние, а подсвечивающие снизу фонари бассейна еще больше удлиняют его силуэт.

Он делает шаг вперед и становится реальным. Два больших неуклюжих шага — левой, правой, стоп. Элис отбывает. В ожидании слов я изображаю на лице терпеливую улыбку. Волосы темные, взъерошенные, ученически-внимательный взгляд больших карих глаз, какой-то неземной за счет очков, и длинные, до колен белые шорты, в каких обычно ходят яхтсмены или сыновья бостонской аристократии. На вид лет двадцать пять, хотя этим вечным студентам запросто может быть и меньше, и больше. — Сэр? — наконец обращается он ко мне, и не сказать чтобы с особым почтением.

— Нат, если не возражаете, — поправляю я его с улыбкой.

Вертит в голове. Нат. Обдумывает. Морщит клювообразный нос.

— А я Эд, — выдает он, повторяя для меня уже сказанное Элис. В Англии, куда я недавно вернулся, ни у кого нет фамилии.

— Привет, Эд, — весело подхватываю я. — Чем могу быть вам полезен?

Очередная пауза, пока он это обдумывает. Затем выдает:

— Я хочу с вами сыграть. Вы ж чемпион. А я новенький. Вступил в клуб на прошлой неделе. Ага. Я записался в очередь и все такое, но пока подойдет моя очередь, это ж сколько месяцев ждать!

Слова вырываются из застенок. Он берет паузу, переводит взгляд на моего добродушного соперника и снова на меня.

— Слушайте, — напирает он, уговаривая меня, хотя возражений вроде бы не поступало. — Это ваши порядки. — От негодования градус поднимается. — Я, что ли, виноват? Я только спросил Элис. А она мне: “Спросите у него сами, он не кусается”. Вот я и спрашиваю. — На всякий случай он поясняет: — Я видел, как вы играете. И разобрался кое с кем из тех, с кем разобрались вы. И даже с парочкой таких, кому вы проиграли. Уверен, что смогу вам противостоять. Без дураков, ага. Вот увидите.

Ну что вам сказать по поводу его речи? В выстраивании наших соотечественников на ступеньках социальной лестницы исходя из их выговора я не самый сильный мастер салонной игры, освященной многовековой британской традицией. Слишком уж много времени я провел за пределами родной страны. Но на слух моей дочери Стефани, твердо стоящей на позиции равноправия, речь Эда, пожалуй, звучала бы довольно сносно, то есть не свидетельствовала о частном образовании.

— А позвольте полюбопытствовать, Эд, где вы играете? — задаю я ему стандартный вопрос.

— Везде. Там, где есть приличные соперники, ага. — И вдогонку: — Я слышал, вы член клуба. В других разрешают просто поиграть за деньги, а тут нет. Тут сначала надо вступить в клуб. По-моему, это жульничество. Но я вступил. Заплатил х...ву тучу.

— Сочувствую, Эд, что вам пришлось раскошиться, — замечаю я как можно доброжелательнее, приписав “х...ву тучу” излишней нервозности. — А против игры не возражаю. — Я уже вижу, что разго-

воры в баре поутихли и многие головы поворачиваются в нашу сторону. — Давайте назначим какой-нибудь день. Вы меня заинтриговали.

Но Эду этого мало.

— А вас когда устраивает? Реально. А не “какой-нибудь день”, — настаивает он, чем вызывает смех в баре. Судя по гримасе, это ему неприятно.

— Эд, в ближайшую неделю или две не получится, — признаюсь более-менее честно. — У меня серьезные дела. Давно откладываемый семейный отдых, — уточняю я в надежде увидеть понимающую улыбку, но встречаю все тот же непроницаемый взгляд.

— И когда вы вернетесь?

— В следующую субботу, если обойдется без переломов. Мы едем кататься на горных лыжах.

— Куда?

— Франция. Под Межевом. Вы катаетесь?

— Катался. В Баварии. Тогда в воскресенье?

— Боюсь, это должен быть будний день, Эд, — говорю я твердо. Семейные выходные для нас с Прю наконец стали реальностью, и это святое. Сегодня — редкое исключение.

— Значит, один из будних дней через две недели, так? Какой? Выберите. Слово за вами. Я подстроюсь.

— Пожалуй, понедельник, — предлагаю я. По понедельникам в вечерние часы моя женушка проводит юридические инструктажи *pro bono*¹.

— Значит, понедельник, через две недели. Шесть? Семь? Во сколько?

— А вам когда удобно? — спрашиваю. — Мои планы пока в подвешенном состоянии. Может, к тому времени я вообще окажусь на улице.

1 Бесплатно (*лат.*).

— Иногда меня по понедельникам задерживают на работе, — прозвучало как жалоба. — Как насчет восьми? Восемь вечера вас устроит?

— Вполне.

— А корт номер один, если мне удастся его заказать? Элис говорит, что они не любят отдавать корт одиноким, но вы — случай особый.

— Я согласен на любой корт, Эд, — заверяю я под очередной взрыв смеха и аплодисменты из бара — видимо, за его настойчивость.

Мы обмениваемся номерами мобильных телефонов, что всегда ставит меня перед некоторой дилеммой. Я даю ему свой семейный номер, чтобы он послал сообщение, если возникнет какая-то проблема. Он просит меня о том же.

— Э, Нат. — Напряжение в его голосе вдруг куда-то исчезло.

— Что?

— Хорошего вам семейного отдыха, о'кей? — И на случай, если я успел забыть: — В понедельник, через две недели. Восемь вечера.

Под всеобщий смех и аплодисменты Эд, беззаботно махнув рукой, отправляется в мужскую раздевалку.

— Кто-нибудь его знает? — спрашиваю я, неожиданно поймав себя на том, что повернулся и проводил его взглядом.

Все мотают головами. Извини, дружище.

— Может, видел, как он играет?

Та же реакция.

Я провожаю своего гостя и соперника и по дороге в раздевалку заглядываю к администратору. Элис склонилась перед компьютером.

— Эд. А по фамилии? — задаю я вопрос.

— Шэннон, — отвечает она, не поднимая головы. — Эдвард Стэнли. Живет в городе. Персональное членство оплатил через банк.

— Род занятий?

— Мистер Шэннон исследователь. Что или кого он там исследует, не сообщил.

— Адрес?

— Хокстон, в районе Хакни. Там же, где живут мои сестры и кузина Эми.

— Возраст?

— На членство для подростков не потянул. А сколько лет перебрал, он мне не сообщил. Все, что мне известно: паренек рвется в бой, проехал на велосипеде через весь город, чтобы вызвать на бой чемпиона Южного Лондона. Он про тебя слышал и вот явился собственной персоной, как Давид к Голиафу.

— Так и сказал?

— Я сама за него додумала. Ты засиделся в чемпионах, Нат. Как и Голиаф. Тебя интересуется, кто его мамаша и папаша? Какая у него ипотека? Сколько он отсидел?

— Доброй ночи, Элис. И спасибо.

— И тебе, Нат, того же. Не забудь передать от меня сердечный привет Прю. Не стоит так дергаться из-за парня. Ты его сделаешь, как всех этих молокососов.

Глава 2

Если бы это было официальное личное дело, то я бы начал с полного имени Эда, его родителей, даты и места рождения, рода занятий, религиозных убеждений, расовой принадлежности, сексуальной ориентации и прочих важных данных, отсутствовавших в компьютере Элис. А так начну с собственной персоны.

Я был крещен как Анатолий, позже это имя превратилось в английское Натаниель, для краткости Нат. Рост сто семьдесят пять сантиметров, гладко выбрит, клокочатые волосы тронуты сединой, женат на Прюденс, специалисте по общим правовым вопросам в давно существующей фирме участливых лондонских поверенных, в основном ведущих дела малообеспеченных клиентов.

Я стройный, хотя Прю предпочитает слово “жилистый”. Спортивный. Кроме бадминтона, бегаю трусцой и раз в неделю занимаюсь в тренажерном зале, закрытом для широких масс. Обладаю грубоватым обаянием и, как человек светский, располагаю к себе. По внешнему виду и манере поведения типичный британец, быстро завоевываю людей с помощью убедительных аргументов. Легко приспосабливаюсь к обстоятельствам

и не испытываю непреодолимых угрызений совести. Порой вспыльчив. Неустойчив перед женскими чарами. По природе не расположен к канцелярской работе и сидячему образу жизни, и это еще мягко сказано. Бываю прямолинеен и не склонен к дисциплине. Что может считаться как недостатком, так и достоинством.

Это я цитирую конфиденциальные отчеты моих начальников, оценивающих мою деятельность и характер в целом за последние двадцать пять лет. Вам также будет интересно узнать, что в случае чего я способен проявить необходимую жесткость — до какой степени и по чьему приказу, не уточняется. По контрасту тактичен и вызываю доверие.

Если все это перевести на более житейский уровень, то я британский подданный смешанных кровей, единственный в семье ребенок, родившийся в Париже. В момент моего зачатия покойный отец был малоимущим майором шотландской гвардии, приписанной к штабквартире НАТО в Фонтенбло, а мать — дочерью неприметных аристократов-белогвардейцев, осевших в Париже. Белогвардейцы с большой примесью немецкой крови по отцовской линии, каковой факт она по настроению то вспоминала, то отрицала. Если верить семейной хронике, родители познакомились на приеме, устроенном последней горсткой самопровозглашенного русского правительства в изгнании, когда мать еще называла себя юной художницей, а отцу было под сорок. Наутро они решили пожениться, по крайней мере по словам матери, и, судя по ее скоропалительным решениям в других областях, у меня нет оснований ей не верить. После довольно скорой демобилизации — так как у моего влюбленного отца, помимо жены, наметились и другие обременения — новобрачные поселились в Нёйи-сюр-Сен под Парижем,

в милом белом домике, предоставленном дедом и бабкой по маминой линии, где я вскоре и появился на свет, что позволило маме поменять свои приоритеты.

Напоследок я оставил величественную, умудренную опытом особу, учившую меня славной родной речи, мою воспитательницу, а точнее даже гувернантку мадам Галину, по слухам графиню откуда-то с Волги, потерявшую все свое состояние, с претензиями на романовскую кровь. Как ее занесло в наш беспокойный дом, ума не приложу, могу лишь догадываться, что она была брошенной любовницей моего двоюродного деда по матери, который бежал из тогдашнего Ленинграда, сколотил новое состояние на торговле предметами искусства и окружал себя красивыми женщинами.

Мадам Галина появилась в нашем доме ровно в пятьдесят лет — такая дородная, но с кошачьей улыбочкой. Она носила длинные платья из шуршащего черного шелка и шляпки собственного изготовления, а жила в двух комнатках на чердаке, где хранила все свое имущество: граммофон, иконы, черный как смоль рисунок Богоматери работы, как она утверждала, самого Леонардо да Винчи, бесчисленные коробки со старыми письмами и фотографиями предков — графов и графинь в окружении собак и слуг на заснеженных просторах.

Приставленная ко мне мадам Галина знала несколько языков, и это была ее страсть. Не успел я освоить азы английского правописания, как на меня обрушилась кириллица. На ночь она мне читала вариации одной сказки на разных языках. На парижских собраниях потомков русской знати и эмигрантов из Советского Союза, число которых таяло на глазах, я выступал как ее мальчик-полиглот, живой пример для подражания. Считается, что я говорю по-русски с французскими интонациями,

по-французски с русскими, а по-немецки с теми и другими, причем не очень хорошо. Что до английского, то он, как ни крути, достался мне от отца. Кто-то в нем даже слышит шотландские каденции... спасибо хоть не пьяный рык, характерный для покойного батюшки.

Когда мне пошел двенадцатый год, его подкосили онкология и меланхолия, и я помогал мадам Галине ухаживать за ним, в то время как мать закрутила роман с богатеньким ухажером, бельгийским торговцем оружием, который мне сразу не понравился. После смерти отца образовался нескладный треугольник, в котором меня посчитали третьим лишним и отправили на его родину: сначала на каникулы к строгой тетушке, а с возобновлением занятий — в спартанскую школу-интернат в Северной Шотландии. Несмотря на отчаянные усилия преподавателей сделать меня отстающим по всем предметам, я сумел поступить в университет в индустриальном районе Центральной Англии, где совершил первые неуклюжие шаги в общении с женским полом и нацарапал незатейливую дипломную работу по славистике.

А последние двадцать пять лет я являюсь действующим членом британской разведслужбы — проще говоря, Конторы.

По сей день моя вербовка под тайные знамена кажется мне предопределенной, поскольку не помню, чтобы я рассматривал какие-то другие варианты или мечтал еще о чем-то, ну разве что о бадминтоне или покорении Кернгормских вершин. Когда мой университетский преподаватель осторожно поинтересовался за бокалом теплого белого вина, не рассматриваю ли

я возможность сделать что-то “по-тихому для своей страны”, мое сердце радостно забилось, и сразу вспомнилась темная квартира на бульваре Сен-Жермен, где мы с мадам Галиной каждое воскресенье навещали моего отца до самой его смерти. Именно там я впервые возбудился от антибольшевистских конспиративных разговоров моих троюродных братьев, дядьев и двоюродных бабушек, которые с горящими глазами шепотом шепотом обсуждали новости из отечества, где мало кто из них вообще бывал... а в какой-то момент, вспомнив о моем присутствии, они призывали меня поклясться, что я никому не выдам эти секреты, даже если их смысл мне непонятен. Там же зародился мой живой интерес к кровному родственничку, русскому Медведю — огромному, многоликому и непостижимому.

В почтовом ящике я нахожу вежливое письмо, приглашающее меня посетить здание с портиком неподалеку от Букингемского дворца. Адмирал королевского флота в отставке, сидящий за столом сродни оружейной башне, спрашивает меня, каким спортивным играм я отдаю предпочтение. Бадминтону, отвечаю, на что следует живая реакция.

— А вы знаете, что я играл в бадминтон с вашим уважаемым отцом в Сингапуре и он разбил меня в пух и прах?

— Нет, сэр, — признаюсь, — не знал. — А сам думаю, не следует ли мне за него извиниться. Кажется, мы поговорили о чем-то еще.

— А где бедняга похоронен? — спрашивает он, когда я уже собираюсь уйти.

— В Париже, сэр.

— Вот как. Желаю удачи.